

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Бенефисъ К. А. Варламова.

Смотря «Шейлока» въ бенефисъ г-жи Мичуриной, я думалъ, что скучнѣе этого спектакля уже не бываетъ. Нѣтъ, оказывается, скука — вещь растяжимая, шире всякой резины: вчера, на бенефисъ г. Варламова, было гораздо скучнѣе, чѣмъ на «Шейлока» — и я уже не рѣшаюсь сказать, что впредь не будетъ спектакля еще тоскливѣе.

Началась эта сказка въ 8 часовъ «Великимъ банкиромъ» Италю Франки: два безконечныхъ акта юдофильскихъ разглагольствій, утомительная апологія геніальныхъ биржевыхъ маневровъ и сердечной доброты основателя фирмы Готтшильдовъ. Пьеса общеизвѣстна: содержанія ея рассказывать не къ чему. А сколько въ ней житейской правды, напомино лучше всего маленькимъ эпизодомъ. Молодая дочка Ротшильда заглянула въ отцовскую кассу:

— Папа! что это за желтые кружочки?

— Это золотые, мой другъ.

Трогательно и наивно... до пошлости.

Когда главную роль Натана Готшильда играетъ актеръ съ сильнымъ драматическимъ талантомъ, ея разнообразіе даетъ исполнителю довольно сложный и гибкій матеріалъ, и пьеса смотрится недурно. Но г. Варламовъ — веселый комикъ чистой воды. Какъ извѣстно, ничего нѣтъ мрачнѣе, чѣмъ — если комикъ ударяется въ драму. Г. Давыдовъ доказалъ это Шейлокомъ, г. Варламовъ — Натаномъ Готшильдомъ. И что артистамъ Александринскаго театра дались эти жиды?! Впрочемъ, вчера, несмотря на юдофильскую пьесу, спектакль вышелъ самый антисемитическій: Готшильды, въ лицѣ г. Варламова и г-жи Потоцкой (какъ эта когда-то многообщавшая артистка Коршевскаго театра пошла назадъ на Александринской сценѣ!) вышли столь похоронными фигурами, что — ужъ на что евреи любятъ, когда на сценѣ изображаютъ ихъ одноименниковъ, — а и то не выдержали: стали въ среднѣй актѣ выходить изъ зала, по примѣру многихъ изъ публики.

Но когда коридоры и фойе театра уже совершенно превратились въ импровизированное гулянье скучающей публики, — это въ продолженіе «Семейной картинки». Затѣмъ понадобилось возобновлять изъ Островскаго именно слабѣйшую его вещь, чутъ ли не юношескую, еще далекую отъ художественности, — вещь, значеніе которой въ настоящее время — исключительно археологическое, потому что изображаемый ею быть давно умеръ, въ землю зарытъ и просто забытъ потомками? Играли плачевно, да врядъ ли и можно хорошо играть «Семейную картинку»: гг. Давыдовъ, Писаревъ, г-жа Жулева — артисты немолодые, но и имъ едва ли пришлось застать на Руси антики купечества въ той непримосовенности, какъ отразились они въ древнемъ этюдѣ Островскаго. А разговоры-то длинные, а темы то разговоровъ отжившія, наивныя... И

мы то разговоры отжившія, наивныя... И тянулось сіе представленіе 55 минутъ, и за всѣ 55 минутъ хоть бы живое слово, и всѣ 55 минутъ г-жа Жулева, гг. Писаревъ и Давыдовъ упорно сидѣли у столика за никелированнымъ самоваромъ, что, разумеется, исполнѣ въ «стиль эпохи»: московскіе купцы сороковыхъ годовъ всегда пили чай изъ никелированныхъ самоваровъ, по крайней мѣрѣ, такъ выходитъ по изысканіямъ г. режиссера Александринскаго театра. Кстати о режиссерѣ: удивительно, какъ опытные артисты — гг. Писаревъ и Давыдовъ — не сообразили, что пьесѣ, лишенной всякаго дѣйствія, составленной изъ силошного тагучаго діалога, трудно придать оживленіе, если усадешься «статуями» на 55 минутъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но еще удивительнѣе, какъ не замѣтилъ этого режиссеръ.

Развеселить публику долженъ былъ «Севильскій цирюльникъ», но надъ спектаклемъ тяготѣлъ уже фатумъ. Если бы не прекрасная игра г. Сафонова, въ роли Дона-Базиліо, создавшаго истинно типическое лицо, если бы не два-три удачныхъ искреннихъ момента у г-жи Комисаржевской (Розина) — какъ всегда, живой, симпатичной, интересной, съ прелестнымъ голоскомъ и теплыми интонаціями, если бы не очень мило спѣтый ею романсъ Массенэ, если бы не нѣсколько живыхъ шаржей Бартоло-Варламова, публика заснула бы значительно ранѣе, чѣмъ панический страхъ все болѣе и болѣе нарастающей скуки разогналъ ее изъ театра. Стали расходиться послѣ второго дѣйствія комедіи, а послѣдніе акты прошли при пустомъ залѣ... Оно и пора было: дѣло шло ко второму часу ночи.

Постановка «Севильскаго цирюльника» тоже врядъ ли болѣе удачная затѣя, чѣмъ возобновленіе «Великаго банкира» и «Семейной картинки». Комедія Бамарше — классическое произведеніе лишь по древности свей, а вовсе не по внутреннимъ достоинствамъ, и стоитъ неизмѣримо ниже «Женитьбы Фигаро», того же автора. Главное же неудобство постановки комедіи «Севильскій цирюльникъ» — въ томъ, что всегда рядомъ съ нею идетъ въ Петербургѣ болѣе ея популярная опера «Севильскій цирюльникъ» — дѣйствительно, бѣшено-веселый итальянскій фарсъ, съ сотнями забавныхъ шаржей, да еще увлекательно иллюстрированный россиновскою музыкою. Ну — кому охота внимать, какъ будетъ читать роль «Фигаро» г. Дальскій, когда можно слушать, какъ поетъ «Фигаро» Баттистини? Кому пріятно слышать, какъ

г. Аполлонскій поетъ серенаду подъ окномъ Розины, когда можно слушать райскій голосъ Мазини? При томъ же, надо отдать справедливость итальянцамъ: можетъ быть они въ драмѣ были бы худшими актерами, чѣмъ alexandrinскія звѣзды, но «Севильскаго цирюльника» они играютъ гораздо лучше ихъ, т.-е. прежде всего веселѣе.

Илишне упоминать, что бенефициантъ, въ теченіе вечера, былъ предметомъ безконечныхъ овацій, получалъ множество подношеній и т. д. Когда дѣло идетъ о такомъ любимцѣ публики, о такомъ блестящемъ комическомъ артистѣ, какъ высокоталанливый К. А. Варламовъ, — лавры, дары и оваціи сами собою подразумеваются.